

Благодаря появлению Дня семьи, любви и верности, имена святых Петра и Февронии стали многим уже хорошо знакомы. Накануне праздника мы решили найти в церковной истории те примеры подлинной любви, о которых говорят гораздо реже, хотя потрясают они ничуть не меньше. Сразу заметим: это не буквальное переложение житий, а наша попытка художественно реконструировать описанные в них события.

ЛЮБВИ

5 историй о людях, которых не разделила даже смерть

Дмитрий и Евдокия

XIV век

**Москва, северо-восточная
окраина Древней Руси**

Войско во главе с князем уже вышло из города. Фигуры воинов постепенно исчезали вдали. Почти все провожающие уже разошлись. Только статная княгиня застыла в одиночестве возле городской стены. Последним крестом — а вдруг и правда последним? — она осенила мужа и русское войско, почти скрывшееся из вида...

Эта история любви внешне была ничем не примечательна для своего времени. Как почти все русские браки XIV века, этот тоже совершился по договоренности и расчету: союз между 15-летним московским князем Дмитрием и 13-летней суздальской княжной Евдокией был залогом ➔

прочного мира между этими двумя землями.

Юным супругам выпало управлять своим небольшим на то время княжеством в неспокойный век — междоусобицы, моровая язва в самом начале правления, разорительные набеги ордынцев с востока, напирająca с запада Литва... Это потом Москва окрепнет и станет лидером всего региона, победит своих врагов и стяжает вечную славу. А пока это окраина Руси, теснимая со всех сторон и собратьями, и иноплеменниками.

Конечно, так жили тогда не одни Дмитрий и Евдокия, не были они ни первыми, ни единственными правителями, чья доля оказалась горькой. Но мало кто выходит из подобных обстоятельств не только с внешними достижениями, а и с духовной победой. Еще меньше тех, кто в испытаниях имел бы единомышленников, поддержку и опору во всем. И уж совсем мало тех, кто имел бы ее в лице близких людей. Но Дмитрия Господь наградил мудростью и милостью Евдокии, а Евдокию — мужеством и рассудительной благостью князя. И обоих наградил настоящей любовью — их изначально политический союз очень скоро перерос в нежные и трепетные чувства.

...Покинув городскую стену, княгиня вошла в свою молельню и опустилась на колени. Год назад она похоронила двух сыновей. Сначала младшего, совсем младенчика, а через четыре дня — старшего, наследника. Дети тогда уми-

рали часто, младенцы — еще чаще. Но можно ли привыкнуть хоронить сыновей?! В тереме сейчас были еще двое княжичей и три дочурки. Останутся они сиротами или побережет Бог для них отца? А что с землей, с людьми будет? Не единожды уже он уходил — на бой, уезжал в Орду, на политические переговоры, а она оставалась одна, с малолетними ребятами. Каждый раз на волоске от сиротства, от обязательства в случае чего быть и за него, и за себя и на престоле, и дома. Страшно. Сердце княгини по-матерински болело не только за своих детей.

Что может быть сильнее любви и молитвы? В тот раз князь вернулся живым. С победой. Но все-таки сражение на Куликовом поле не прошло бесследно для его здоровья. Через девять лет, дав жизнь еще четырем сыновьям и дочери, он мирно скончался дома, в кругу близких...

Обычаи того времени готовили Евдокию к монашескому постригу. Но горячо любимый муж завещал ей прежде поставить на ноги ребятишек. Восемнадцать лет она, не жалея сил, воспитывала их, заботилась о княжестве, о монастырях и храмах Божиих. Никто никогда не видел княгиню мрачной или плачущей. Всегда хорошо одетая, веселая и приветливая, она втайне постилась и носила под одеждой вериги, устраивала пиры, но сама не ела и не пила на них.

Завершив все завещанное мужем, стараясь во всем поступать так, как он бы поступил, его верная помощница при жизни и преем-

...Сидя со спящим сыном на руках возле тела мужа, мученица отходила от родов и размышляла. Теперь она вдова. Одна. Да еще и в тюрьме.

ница по смерти приняла постриг и вскоре скончалась. Но и после вся княжеская семья жила под девизом отца, которым он вдохновлял воинов на знаменитый бой: «Останемся жить — ради Господа, умрем за мир этот — ради Господа».

Феодот и Руфина

III век

Малая Азия,
провинция Римской империи

Стояла глубокая ночь. В сыром подвале тюрьмы горячо молились молодые супруги. Знатные граждане Феодот и Руфина едва успели привыкнуть к положению мужа и жены, как ненависть императора к христианам задела и их благочестивую семью.

Феодот был схвачен и заключен под стражу. На днях его должны были предать мучениям. Богатый и знатный человек, привыкший к житейскому комфорту, он очень боялся, что не вынесет страданий плоти и предаст Спасителя. Поддержать и ободрить любимого мужа поспешила его добрая жена. Как христианку, ее тоже посадили в темницу, в камеру к мужу. В Кесарии Каппадокийской, в зловонной сырой тюрьме молодые супруги-патриции молились. Вскоре уставшая Руфина заснула. Будущая мама тихонько улыбалась во сне, нежно обнимая рукой свой животик. Как она своего малыша любила и как хотелось его защитить — от всего!

Феодот не был труслив или малодушен. Он хотел бы пострадать за Христа, но достаточно хорошо знал свои слабости. И потому втайне молился о собственной смерти прежде мучений. Чтобы не предать Господа, чтобы, пройдя все предыдущие испытания жизни, не лишиться вечных благ.

Вдруг Руфина открыла глаза. Короткий сон был глубоким и потому показался таким долгим. Едва она взглянула на лежавшего рядом мужа, как что-то кольнуло сердце. И тут же что-то сжало живот. Схватки? Родить еще не время, может, показалось? Женщина попыталась потормозить мужа, припала к его груди. Сомнений не было: Феодот умер. Его молитва была услышана. Вдруг по низу живота разлилась горячая боль... Мальчик! Живой! Слава Богу!

...Сидя со спящим сыном на руках возле тела мужа, мученица отходила от родов и размышляла. Теперь она вдова. Одна. Да еще и в тюрьме. Что она теперь может сделать для сына? Даже если император смилостивится и ее с младенцем выпустят, то все вскоре снова тюрьма, снова мучения — открытое исповедание Христа даром ей не пройдет. А что, если орудием пыток сделают его, этого крошечного, беззащитного малыша? Нет, лучше умереть сейчас.

— Господи! — взмолилась бедная женщина. — Все в силе Твоей и все по Твоей святой воле! Если хочешь, сохрани дитя мое во здравии и Сам воспитай его, как Тебе угодно! А меня, Отче, возьми к моему мужу, не лиши нас небесной Твоей обители!

Этим же утром одна из вдов-христианок по велению Божию выпросила у начальника тюрьмы тела молодых супругов, не успевших стать родителями, и новорожденного младенца. Он тоже станет христианином и, уже будучи взрослым, умрет как мужественный мученик Мамант.

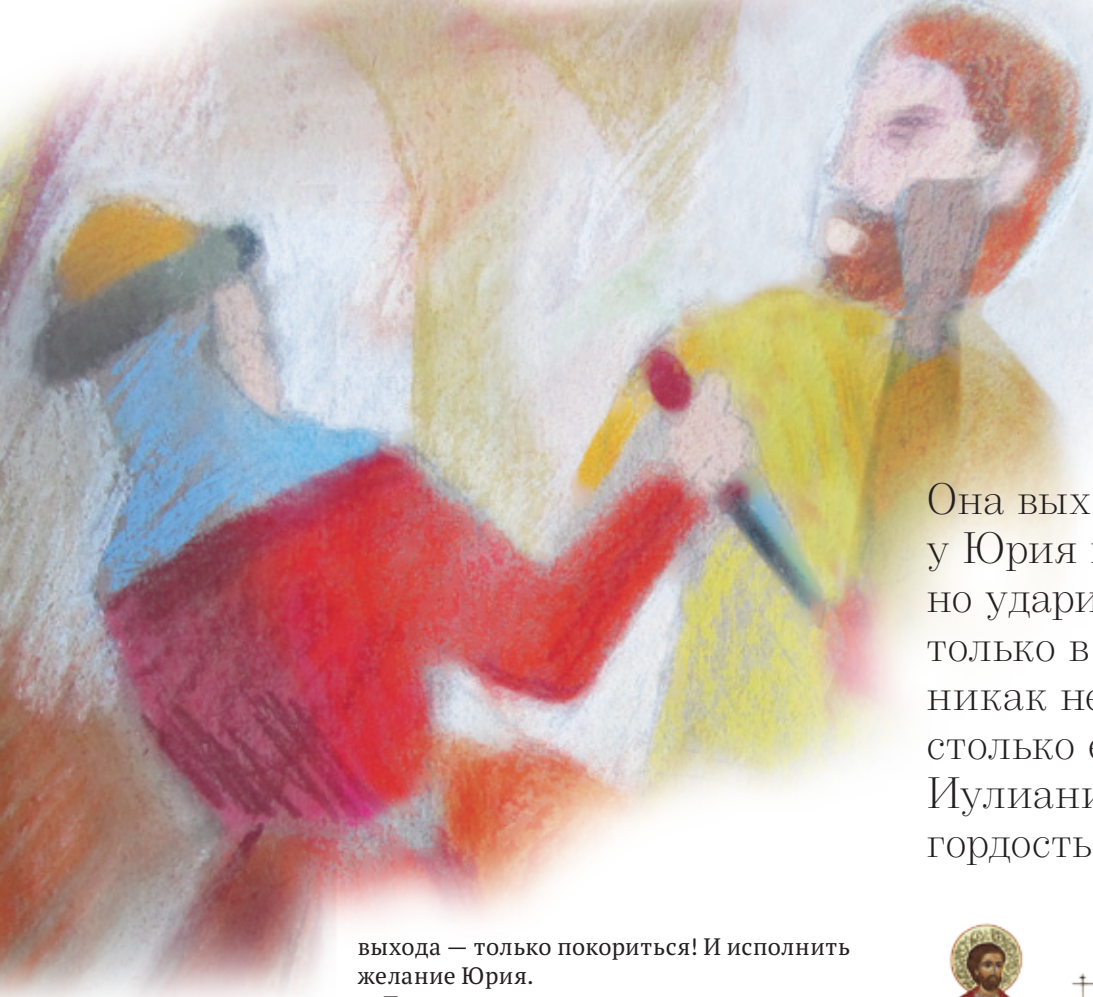
Иулиания и Симеон
Вяземские

XV век

Граница Великого
княжества Литовского

Княжичи Юрий и Симеон дружили с юности. Став князьями Смоленским и Вяземским, женившись, они часто бывали друг у друга в гостях, много времени проводили вместе. Вместе же, со своими семьями, вынуждены были и делить изгнание — их земли были захвачены литовским князем Ягайло. Вдобавок к несчастьям Юрия его жена оказалась у литовцев в плену.

А вот жена Симеона... Иулиания едва исполнилось двадцать. Своей духовной и телесной красотой она пленяла многих, приходивших в их гостеприимный дом. Князь Юрий делал ей намеки, но Иулиания лишь горько сокрушалась о его грехе. Тогда он пригласил княгиню и ее супруга к себе на пир, где, захмелев, попытался добиться желаемого не намеками, а властью и силой. Так Иулиания оказалась в его спальне. Все произошло в какие-то секунды. На мольбы жены о помощи примчался князь Симеон — и был мгновенно заколот Юрием. Теперь не осталось у княгини ни свидетелей, ни заступников. Нет другого ➡

Она выхватила нож у Юрия из-за пояса, но ударить его смогла только в руку. Этого князь никак не ожидал. И не столько его руку ранила Иулиания, сколько его гордость.

выхода — только покориться! И исполнить желание Юрия.

Так мог рассуждать насильник, но не верная жена. Она хотела сохранить верность единственному и любимому мужчине и после его смерти. Когда друг детства ее мужа снова попытался овладеть ею, было ясно, что ни мольбы, ни увещания не помогут. С несвойственной хрупкой и обычно кроткой Иулиании стремительной ловкостью она выхватила нож у Юрия из-за пояса, но ударить его смогла только в руку. Этого князь никак не ожидал. И не столько его руку ранила Иулиания, сколько его гордость. Рассвирепевший насильник погнался за княгиней и в порыве ярости отрубил ей и руки, и ноги, а обезображенное тело повелел слугам бросить в местную реку. Дело было зимой. Спустя несколько месяцев, когда в воздухе запахло первыми цветами, останки княгини увидели плывущими против течения.

А Юрий, нигде не мог найти себе места и, опасаясь мести, скрывая свое имя, бежал в Орду. Он бесславно умер на чужбине вскоре после своего преступления.

IV век

**Никомидия, столица
Восточной Римской империи**

Впусти меня! Наталия, родная! Выслушай же! — начальник судебной палаты Адриан уже отчаялся попасть в собственный дом.

— Нет! Уходи! Прошу тебя, умоляю, вернись назад, откуда пришел, вернись! — всхлипывала по ту сторону двери его жена.

Молодые и богатые супруги едва отметили первую годовщину совместной жизни, когда

*Адриан и Наталия
Никомидийские*

в стране начались жестокие гонения на христиан. Адриан, по долгу службы присутствовавший на допросах, услышал, какой награды они ждут на небе, и попросил и его причислить к христианам. И вот уже несколько дней он сидел в тюрьме, ожидая приговора вместе с другими мучениками. А теперь Адриана под честное слово отпустили из тюрьмы — разрешили побыть с женой до дня казни.

Наталия, тайная христианка, не переставала молиться за мужа и слать ему утешительные и ободряющие письма. Наконец они будут вместе не только на земле, но и, быть может, на небе! Наконец ее муж обрел подлинное знание, мудрость! И вот, что же она видит — он снова на свободе?! Это все равно что увидеть покойника. Ведь отпустить Адриана могли, только если он отрекся от Христа и принес очистительные жертвы языческим богам. Так что же было думать бедной женщине, когда она увидела у ворот Адриана?

Наконец Наталья сдалась, дверь с шумом отворилась, и прямо в ноги Адриану упала обмякшая жена. Ему с трудом удалось успокоить ее и втолковать ей, как и зачем он тут оказался. Супруги долго сидели обнявшись.

В назначенный день Наталья пришла на место казни и умоляла, чтобы Адриана казнили первым. Она страшилась, что он, увидев страдания других, поколеблется духом. Святому Адриану на наковальне отбили руки и ноги. После казни городские власти собирались сжечь тела мучеников, но внезапно началась гроза, печь растопить не удалось, а многие палачи, по преданию, умерли прямо на площади от ударов молнии.

В тот день Наталье за общей суматохой удалось забрать с собой руку мужа. Она берегла ее как святыню и с этого времени мысленно обращалась к нему в молитвах.

Но вскоре к ней посватался знатный жених — ведь Наталья была молода, красива и богата. Чтобы уклониться от ненавистного брака, ей пришлось бежать — туда, куда благочестивые люди ранее увезли останки святых мучеников, в том числе и Адриана. Там спустя недолгое время Наталья отправилась в иной мир — к своему любимому мужу.

Тихон и Хиония
Архангельские

XX век

Средняя полоса России

Спустя три дня после ареста отца Тихона матушка пустилась на поиски. Много раз ходила она в сельсовет и ездила в город, но узнать что-либо об участии супруга ей так и не удалось. Только однажды в городе она случайно среди проходивших арестантов узнала батюшку. Окликнула, он обернулся, но конвоир не позволил ему подойти.

В милиции тоже ничего не говорили — ни где батюшка, ни что с ним:

— Мужа забрали, ничего от них невозможно добиться, это какое-то безобразие.

— Смотрите! Вы слишком много болтаете! Мы и вас заберем!

— Вот и хорошо! Заберите меня, пожалуйста, я там, может быть, с отцом Тихоном увижусь! — отвечала Хиония.

Дети из священнических семей соседних сел, они были знакомы друг с другом с пеленок. Тихон пошел по стопам деда и отца, став священником, Хиония же стала его верной и трудолюбивой матушкой. Свой путь служения супруги Архангельские начали в еще спокойном тысяча девятисотом году. Новоиспеченный иерей был назначен на место своего дяди-священника в храм села Троекурово. Позже молодой и энергичный отец Тихон будет настоятелем во Владимирском соборе местного женского монастыря и законоучителем в земской школе. Но скудного жалованья не хватало, и семья в основном жила от трудов рук своих. У Архангельских был участок земли — сначала двадцать соток, потом сорок. Сами сеяли и рожь, и овес, и гречиху, и овощи, держали скотину. В 1901 году у молодых супругов родилась первая доченька Саша. Всего у батюшки с матушкой будет 18 детей. Ровно половину они похоронят в младенческом возрасте.

В 1928 году, когда их последней дочери было пять лет, власти закрыли храм, а Архангельских хотели записать в кулаки. Но добрые люди успели их предупредить, и семья, бросив все, бежала в город с самыми скудными средствами и имуществом. После нескольких лет скитаний супруги с детьми обосновались в селе Куймань. Здесь они пробыли еще пять лет. А потом отца Тихона арестовали — якобы за активную террористическую деятельность. При обыске его спросили: «Оружие есть?» — «Есть! — ответил отец Тихон. — Крест и молитва!»

реклама

ермоген.рф

ПРАВОСЛАВНОЕ БРАТСТВО СЩМЧ. ЕРМОГЕНА

+7 (495) 925-75-38
ермоген.рф
Москва, Амурская
д.3, стр.31

Изготовлен в соответствии с наивысшими стандартами качества

Ровное горение, отсутствие посторонних запахов и искр

Для церковных служб, треб и домашнего использования

**уголь кадильный
быстроразжигаемый**

БРАТЕСКИЙ ЗОЛОТОЙ

22 mm

27 mm

35 mm

Перед расстрелом сотрудник НКВД спросил отца Тихона:
— Не отречешься?
— Нет, не отрекусь! — ответил священник.

Стоял промозглый ноябрь. Группу заключенных вывезли за городскую черту Липецка. На отца Тихоне был тот же легкий летний подрясник, в котором его забрали из дома два с небольшим месяца назад. Перед расстрелом сотрудник НКВД спросил отца Тихона:

— Не отречешься?

— Нет, не отрекусь! — ответил священник.

Вскоре после расстрела отца Тихона в доме Архангельских — снова обыск. Пришли за Хионией Ивановной, когда она уехала к сестрам в Москву. Вернувшись, матушка сама пошла и предала себя в руки искавших. Так начался ее мученический путь. Под новый 1937 год тройка НКВД приговорила Хионию Ивановну к восьми годам лагерей. Из тюрьмы она писала детям последние — она хорошо понимала, что последние, — распоряжения, наставления, завещания и благословения.

«Я в жизни своей имела всегда грех судить, других осуждала без всякого на то права, и вот теперь сама попала под суд, а если бы никого не судила, была бы несудима. Была властна, все делала как мне угодно, вот теперь лишили свободы, без разрешения на двор не

ходим, а терпим от раннего вечера до полного рассвета, что некоторым мучительно, поэтому приходится больше говеть и меньше есть и пить», — писала матушка, в доме которой сытным считался суп из липовых листьев, крапивы и картофельной ботвы.

Спустя пять месяцев после заключения тюремные врачи предложили освободить ее, поскольку матушка без посторонней помощи обходиться уже не могла. Но тюремные власти отказались даже рассматривать досрочное освобождение из-за резких высказываний матушки о советской власти. И лишь в конце сорок четвертого года, когда смертельный исход стал очевиден, Хионию Ивановну отпустили из тюрьмы. Свой последний год она доживала на свободе, с дочерьми, в доме, купленном за две пары галош. Уже почти не встававшая с постели матушка все же взялась подрабатывать шитьем, чтобы хоть как-то помочь дочерям и накопить что-то на собственные похороны и поминки. Скончалась исповедница в декабре 1945 года. **Ф.**

Екатерина Моисеенкова
Иллюстрации Марии Буртовой